

— Ну всё, пошли, — Сюэ Цзывэнь окликнул их.

Чэнь Хаосюань и Шу Байчуань повернулись и шагнули вперёд, а Сюэ Цзывэнь, неся на спине Лю Сяомэй, медленно следовал за ними.

Неся Лю Сяомэй, Сюэ Цзывэнь заметил, что хотя её волосы были растрёпаны, а одежда выцвела от стирки, от неё не исходило неприятного запаха. Напротив, ощущался лёгкий аромат свежего мыла — очень приятный.

Чэнь Хаосюань и Шу Байчуань шли быстрым шагом и вскоре оставили их далеко позади.

Сюэ Цзывэнь с Лю Сяомэй на какое-то время погрузились в молчание.

Лёгкий ветерок поднял длинные чёлку Лю Сяомэй, открыв её красивые миндалевидные глаза за очками; они покраснели, но Сюэ Цзывэнь, стоявший к ней спиной, этого не увидел.

— Кстати, почему ты сегодня не пришла на занятия? Из-за того, что нужно было продавать овощи? — Не в силах выдержать неловкую паузу, первым спросил Сюэ Цзывэнь.

— Мой папа внезапно заболел, и мама ухаживает за ним. Брат и сестра ещё маленькие, поэтому мне пришлось взять отгул, чтобы присмотреть за ларьком. Иначе сегодняшний доход пропал бы... — тихо ответила Лю Сяомэй.

Сюэ Цзывэнь замолчал. Он вдруг осознал, как жестоко поступали с этой девушкой большинство их одноклассников.

Лю Сяомэй не могла не знать, что за её спиной её называют «жуткой девчонкой». Неизвестно, то ли она не обращала на это внимания, то ли молча терпела.

— Эх. Лю Сяомэй, я ещё раз приношу извинения, не только за себя, но и за наших одноклассников, — в этот раз тон Сюэ Цзывэня был очень серьёзным.

Вдруг сзади раздался сдавленный всхлип, «шлёп» — и крупная тёплая слеза упала на шею Сюэ Цзывэня.

— Эй... э-э... ты... не плачь... — Сюэ Цзывэнь почувствовал растерянность. — Почему ты плачешь из-за моих извинений? Я... я же признал ошибку, разве нет?

Сюэ Цзывэнь ничего не боялся, кроме женских слёз, потому что совершенно не знал, как их утешать.

— Нет... — в голосе Лю Сяомэй слышались всхлипы. — Я просто... сама не знаю, почему вдруг заплакала... Прости... — Она быстро стёрла влагу с шеи Сюэ Цзывэня, словно боясь, что он рассердится.

— Эм... — Сюэ Цзывэня немного сбила с толку её осторожность. — Хочешь плачь, ничего страшного. И не надо говорить «прости».

Но Лю Сяомэй больше не плакала. Она быстро вытерла глаза, и слёзы больше не текли.

— Спасибо тебе, — её голос был очень тихим. — Я всегда думала, что ты меня ненавидишь.

— Эм... не то чтобы ненавидел. Просто ты обычно мало общаешься с другими, и твоё поведение кажется немного... не таким, как у всех. На самом деле, тебе стоит больше общаться с людьми.

— Правда? Возможно, — тихо ответила Лю Сяомэй, словно погрузившись в свои мысли.

Атмосфера снова погрузилась в молчание.

Когда они добрались до того места, где оставили велосипеды, Сюэ Цзывэню пришлось расстаться с Чэнь Хаосюанем и Шу Байчуанем. Ему нужно было отвезти Лю Сяомэй домой, а Чэнь Хаосюань собирался отвезти Шу Байчуаня.

— Ну ладно, всё, — Сюэ Цзывэнь сказал им и хлопнул Чэнь Хаосюаня по плечу. — Увидимся в понедельник, по дороге домой будь осторожнее.

— Хорошо, пока, — Чэнь Хаосюань помахал ему рукой, и в его глазах мелькнуло такое «удовлетворение», что Сюэ Цзывэнь подумал, будто ему показалось.

Однако не успел Сюэ Цзывэнь как следует рассмотреть, как Чэнь Хаосюань уже уехал, увозя Шу Байчуаня на велосипеде.

— Похоже, ты в них души не чаешь, — Шу Байчуань сидел на заднем сиденье, крепко обхватив руками талию Чэнь Хаосюаня.

— Эм... — Чэнь Хаосюань замялся, а затем вдруг, в полушутку и всерьёз, сказал:

— Скажешь, если я заявлю, что умею читать по лицу, Ачуань, ты согласишься?

— Хе-хе... — Шу Байчуань тихо рассмеялся, потянулся и хлопнул Чэнь Хаосюаня по затылку. — Раз не хочешь говорить, тогда ладно.

Чэнь Хаосюань потерял то место, куда его хлопнули, и почему-то вспомнил Шу Байчуаня из прошлой жизни. На душе стало немного тоскливо.

В прошлой жизни Сюэ Цзывэнь просто не смог добиться своей богини, а Шу Байчуань навсегда потерял свою молодую жизнь.

На какое-то время оба они замолчали.

— Кстати, как подготовка к дебатам? — Шу Байчуань прервал мысли Чэнь Хаосюаня.

— Эм... так себе. Жаль, что я собирался на этих выходных ещё раз обсудить это с тобой, но тут нагрянул тайфун.

— Да, — Шу Байчуань тоже выглядел немного растерянным.

— Эй! А давай так: Ачуань, ты сегодня просто поезжай ко мне домой. Оставаться одному тебе всё равно будет скучно.

— К тебе домой?

— Да, ко мне, на выходные. Мы сможем как следует обсудить дело насчёт дебатов. Моя младшая сестра уже давно ноет мне на ухо, что ты к нам не заходишь, а мама говорит, что ты можешь приходить, когда будет время.

Шу Байчуань опустил голову и задумался. Внезапно его лицо озарила сияющая улыбка.

— Хорошо, тогда позвольте мне побеспокоить вас.

Интересно, как спит этот неуклюжий медведь? Он уже предвкушал это.

Когда Шу Байчуань снова увидел семью Чэнь, то обнаружил, что в душе у него больше нет той прежней предвзятости. Возможно, это произошло из-за перемены в его отношении к Чэнь Хаосюаню. Теперь, глядя на семью Чэнь, Шу Байчуань находил их такими же милыми, как и самого Чэнь Хаосюаня. Женщины в семье Чэнь, казалось, обладали характером королев, а зажатый между ними Чэнь Хаосюань вырос послушным медвежонком.

Видимо, если хочешь увести этого глупого медведя, необходимое условие — задобрить двух «королев» семьи Чэнь: маму Чэнь и Чэнь Сяомэй.

— Тётя, позвольте мне помочь, — Шу Байчуань увидел, что мама Чэнь хлопочет на кухне, вошёл внутрь и предложил.

— Ачуань, какой ты понимающий ребёнок. Но не нужно, иди поиграй с Хаосюанем, я скоро управлюсь, — мама Чэнь помешивала суп в кастрюле.

Шу Байчуань ничего не сказал. Он помыл руки, взял нож с разделочной доски и, прижав мясо, которое мама Чэнь начала резать, несколькими быстрыми движениями нарезал его на ломтики — «сю-сю-сю». Толщина была равномерной, текстура чёткой — мастерство ножа было необычным.

Мама Чэнь с удивлением посмотрела на Шу Байчуаня.

— Ой! Не думала, что у тебя есть такой талант, тётя прямо глаза проглядела. Ты, наверное, часто готовишь?

Шу Байчуань спокойно улыбнулся.

— Да, я живу один. На самом деле, только владение ножом у меня более-менее приличное, а остальное — если сварил, значит, готово. Я не особенно требователен к еде.

— Ой, ну вот так... Ачуань, если тебе кажется, что есть одному слишком одиноко, тогда приходи ко мне. После занятий можешь приходить вместе с Хаосюанем.

— Это доставит вам слишком много хлопот, тётя.

— Какие хлопоты? Всего одна лишняя миска и одна пара палочек, — мама Чэнь улыбнулась. — Ачуань намного понятнее, чем мой глупый сын. На него похож: ни разу не заходил на кухню, а какое-то время назад не знаю, на что его нашло, внезапно захотел залезть на кухню и возиться с тем самым «оздоровительным супом», чуть кухню не взорвал...

— Довольно глупо, — уголки губ Шу Байчуаня поднялись, в глазах разлился мягкий свет.

— Апчхи!

Чэнь Хаосюань, о котором говорили Шу Байчуань и мама, в этот момент ютился на диване вместе с папой Чэнем, уставившись на график фондового рынка, прокручивающийся на экране телевизора.

— Папа, ты вчерашнюю акцию продал?

— Ещё нет, а что?

— Пока не продавай, я думаю, есть надежда, что она продолжит расти.

— Я вижу тут опасность. Вчера она выросла на лимит, а сегодня почти не растёт. Возможно, завтра начнёт падать... Кстати, парень, тебе бы лучше хорошо учиться, зачем следовать за мной и изучать фондовый рынок?

Чэнь Хаосюань: «...» Он мог бы сказать, что действительно не имеет уверенности в умениях отца играть на бирже?

Папа Чэнь не был мастером игры на бирже. Историк по образованию, он от природы был совершенно не чувствителен к цифрам, но именно поэтому хотел учиться у других и заработать немного денег. В результате, вложив 10 000 юаней, он всё потерял...

Чэнь Хаосюань с памятью о прошлой жизни знал, что в действиях отца не было ни грамма технического анализа. Часто бывало: другие покупают что-то — и он покупает то же самое, а результат обычно таков: только он купил, с другой стороны — шур-шур-шур — и цены идут вниз. В этой жизни Чэнь Хаосюань, естественно, не мог смотреть, как его отец снова бросает мясо в пасть собаке, поэтому различными намёками и прямыми указаниями наконец-то заставил отца купить эту перспективную акцию.

<http://bllate.org/book/16725/1538043>